

**АЛЕКСАНДР
БОГДАНОВ**

СТРАНИЧКА
ЖИЗНИ

Александр Алексеевич Богданов

Страничка жизни

Текст предоставлен правообладателем

Страничка жизни: 1918

Аннотация

«...Сереза был единственным сыном Николая Кирилыча Казанцева, и с его потерей он почувствовал, как сразу сломалась главная ось всей его жизни. Теперь незачем вдруг стало посещать службу, заботиться о будущем, строить карьеру. Раз нет Серези, то это никому не нужно...»

Александр Алексеевич Богданов

Страничка жизни

Смерть Сережи потрясла Николая Кирилыча.

Началось это внезапно. Мальчик с утра был весел, играл колесиком от кресла, изображая точильщика. Отправляясь на службу, Николай Кирилыч еще шутил с ним и обещал ему принести настоящий точильный станок. За обедом он был хмур и не говорил ни слова. К вечеру произошел первый припадок. Потом еще и еще. Вызванный врач нашел менингит. Всю ночь мальчик испытывал отчаянные боли, пронзительно вскрикивал, отбрасывался назад на подушки, и страшная судорога потрясала его тело. На мгновенье боль стихала. Он стискивал зубы, закрывал глаза, начинал бредить и впадал в забытие. А потом припадки повторялись с удвоенной силой.

В конце третьих суток он умер.

«Как все это ужасно!.. Как ужасно!.. – думал Николай Кирилыч, не находя себе места в течение целых дней и недель. – И не столько страшна сама смерть, сколько невыносимо то страдание, которое она несет с собой... Особенно страдание детей. Если умирает взрослый, то с этим как-никак можно еще примириться, потому что взрослый видел и радости

и печали жизни... Но ребенок!.. Какое оправдание, какой смысл имело в таком случае его появление на свет?..»

Сереза был единственным сыном Николая Кирилыча Казанцева, и с его потерей он почувствовал, как сразу сломалась главная ось всей его жизни. Теперь незачем вдруг стало посещать службу, заботиться о будущем, строить карьеру. Раз нет Серези, то это никому не нужно...

С женой Валентиной Михайловной у Казанцева были далекие чуждые отношения. Рано или поздно готовился неминуемый разрыв. Сын был единственной связью семьи, и эта связь порвалась.

Они были женаты восемь лет. Уже на третий год их супружества, вскоре после рождения сына, между ними обнаружилась та разница в характерах, которая мешала создать семейный уют. Валентина Михайловна – увлекающаяся и порывистая – любила общество, шум и блеск, мечтала о поступлении на сцену. В девичестве она играла не без успеха в учебных спектаклях, похвалы родных и знакомых вскружили ей голову. Замужество расстроило ее планы. А рождение ребенка и заботы, связанные с его воспитанием, по-видимому, тяготили ее. Может быть все это происходило потому, что она была очень молода и жадно хотела жить.

Казанцев, напротив, искренне хотел прочной и уютной семьи, – детей. И именно с этого начался его разлад с женой. Она считала, что дети закабалят ее на всю жизнь, сделают рабой.

Все чаще и чаще между ними вспыхивали размолвки. И после каждой происходило временное примирение. Чем дальше, тем размолвки делались острее, а примирение трудней... Оба несли добровольно цепи, делая это, главным образом, ради сына.

* * *

Казанцев не удивился, когда Валя однажды объявила ему, что уезжает в провинцию, думает поступить на сцену. Так и должно было случиться. За последнее время, с утратой Сережи, их ничто не связывало.

Но ревнивое чувство больно кольнуло его. Казанцев знал, что Валя была очень расположена к часто посещавшему их дом, артисту Фелицыну. И у него мелькнула мысль: поедет она одна, или с ним... Вернее говоря, поедет ли Фелицын по ее следам. Этот фатоватый господин уже давно настойчиво преследовал ее.

Злое и досадное чувство стало разрастаться в его душе. Но он усилиями воли подавил его в себе.

«Нельзя быть строгим к ней... Смерть Сережи не менее тяжела и для нее... Сцена поможет ей забыть горе».

Оба расстались мирно, без вражды, как хорошие, прожившие друг с другом восемь лет, товарищи... Казанцев сам старательно упаковал ее вещи, коробки, портплед и чемоданы, и на прощанье даже сказал с неподдельной ласковостью:

– Дай тебе Бог счастья, Валя!..

У нее чуть дрогнули губы, и влажно затуманились глаза. Что-то, похожее на колебание, появилось в напряжении лица. Но это было мгновение.

– Спасибо тебе! – ответила она чуть слышно, дрогнувшим голосом.

– На случай сообщи свой адрес... Может быть понадобится моя помощь, – со смущением продолжал он, боясь, как бы ее не обидеть.

Она покраснела и благодарно взглянула на него.

– Хорошо.

Больше они ничего не сказали друг другу... Боялись слов, чтоб неожиданно не поддаться какому-нибудь новому нечаянному настроению и не перерешить того, что казалось обоим неизбежным.

На вокзал Казанцев не поехал, – только проводил жену до подъезда и заботливо усадил на извозчика.

И когда он очутился один в своей огромной и безмолвной квартире, то ощущение пустоты жизни и тоски стало мучительно тягостно.

– «Что же теперь делать», – спрашивал он себя с тоской, сидя в своем кабинете и осматриваясь вокруг, точно ища помощи.

На письменном столе лежали разные справочники, последние номера сенатских разъяснений и дела в картонных коричневых папках. Он знал, что уже не в состоянии ни к

чему этому прикоснуться. И вообще стало так мучительно все, что напоминало прежнего Казанцева, строившего такие увлекательные планы жизни. Прошлого нет, и нужно скорее порвать всякие воспоминания о нем, начать новую жизнь.

«Поехать в Крым... – решил Казанцев, – или за границу, – взять продолжительный отпуск... А там будет видно, что делать!..»

Но эти мысли казались ему самому малоубедительными. «Разве от самого себя, от тоски, от одиночества уедешь?..»

Он посмотрел на большую, висевшую на стене, фотографию сына. Из темной ореховой рамы выглядывало милое детское лицо с красивыми кольцами кудрей и выразительными детскими глазами.

Так он просидел в оцепенении некоторое время.

«Что же все-таки делать?.. Уйти в общественную жизнь?..»

Здесь в городе это невозможно... Все эти кружки, собрания, партийная борьба были всегда ему чужды и непонятны. Ему казалось, что в них слишком много личного самолюбия и тщеславия. А ему хотелось какого-нибудь, хотя маленького, но настоящего дела, которому он мог бы теперь отдаться до самозабвения.

«Переехать в деревню, в народ?.. – мелькнула мысль. – Учить детей?..»

Мысль эта вначале скользнула в его уме случайно. Но чем дальше, тем все назойливее она приходила на ум и, в кон-

це концов, стала казаться единственным спасительным выходом.

«Да, лучше всего поехать в деревню и поступить в школу учителем. Если не удалось вырастить Сережу, то, взамен, может быть, удастся воспитать десятки чужих детей, нуждающихся в попечении».

Казанцев избрал школу в средней из глухих северных губерний.

«На хорошее место найдутся охотники, – рассуждал он. – И если уже селиться в деревне, то надо идти туда, где чувствуется более нужды».

Убогая деревенская обстановка не испугала его, как он ждал этого, когда оставлял город. Наоборот: при виде вросших в землю, покрытых соломою изб, чахлах березок у околицы, чумазных и зевластых ребятишек, собравшихся на дороге, – он сразу ощутил связь со всем этим. И избы, и березки и ребятишки стали почему-то своими, родными – хотя уже около двадцати лет он не был в деревне.

«Ничего, – все устроится само собой, – решил он. – Придется отказаться от городского комфорта и привыкать жить так, как живут миллионы людей в России. Проще и ближе к природе!»

Начались трудовые, будничные учительские дни. Новые впечатления захватывали и не было времени отдаваться личным переживаниям. Выходило как-то само собой, что с утра и до ночи Казанцев был во власти окружающего, и оно неза-

метно, против его воли, покоряло. Просыпаясь он уже слышал за стеной жужжащие голоса школьников; дети забирались в классы чуть не с полуночи, а из соседних деревень – «выселение» – нередко, особенно в морозы и вьюги, ночевали в школе. Сейчас же после чая Казанцев начинал занятия. После обеда приходилось готовиться к урокам. Учебных пособий не хватало, а имевшиеся приходили в негодность. Надо было самому подклеивать и подкрашивать таблицы по естественной истории, готовить приборы для уроков домашними кустарными средствами. А вечером или приходили мужики за какими-нибудь советами, – написать письмо, прошение, просто поговорить, – или же школьники с «выселок», оставшиеся на ночевку, просили его почитать что-нибудь. Казанцев с охотой делал это. В большой печи ребяташки пекли на горячих углях принесенную картошку и угощали его. Казанцев подсаживался к детворе, как свой, близкий всем. Так звено за звеном росла и крепла связь между ним и деревней.

* * *

Из детей его внимание особенно привлекал один: горбунчик Васюк. Этот хилый ребенок из очень бедной семьи держался особняком, как держатся вообще дети с физическими недостатками. Занимал он самое скромное место в углу на задней парте. Вид у него был всегда пугливый, насторо-

жившийся, точно он боялся, что вот-вот его обидят. Почти всегда он молчал, не принимал участия в детских играх и вел себя с несвойственной его возрасту серьезностью. А на уроках он с большей внимательностью, чем другие, слушал всегда Казанцева. И в его круглых голубых глазах светилась тихая невысказанная печаль.

«Странно, кого он напоминает мне?.. – не раз спрашивал себя Казанцев, останавливаясь на нем взглядом.

И однажды он неожиданно для себя нашел ответ.

«Васюк напоминает Сережу. Напоминает не очертаниями лица, – между ними нет ничего общего. У Сережи были серые глаза, у Васюка голубые, и овал лица и волосы у него другие. Но есть что-то родственное в душах обоих. Какая-то одинокая сосредоточенность и замкнутая грусть. Вот также и Сережа любил, уставившись взором в одну точку, уноситься куда-нибудь мыслями. И печальная складка – ее иногда замечал Николай Кирилыч – лежала в складках его губ.

Открытие взволновало Казанцева. Он проникся к Васюку особой нежностью, и она увеличивалась еще потому, что мальчик был отмечен несчастьем.

«Такое совпадение!.. – думал Казанцев... – Ясно, что именно те страдания, которые переживает мальчик, делают его похожим на Сережу. Эта печальная складка на губах! Милый Сережа! Мы слишком мало давали тебе, занятые своею жизнью, жизнью взрослых. Но ты детским непосредственным чутьем угадывал, может быть, правду, чувствовал

ту драму, которая должна была произойти между твоими родителями. Ведь, говорят, дети лучше умеют улавливать настроения...»

Раз, в приливе нежности, Казанцев подошел к Васюку и нежно положил руку на его белую головку.

– Васюк, почему ты не играешь с детьми?

– Так, не хочется...

– Ты сидишь, как старичок... Не скучно тебе?

– Нет... Я никогда не скучаю...

Мгновенно вокруг него собрались прочие дети.

– У него бате́к сухорук.

– Как сухорук? – спросил Казанцев.

А так... рука отсохла... Летось мужики рубили делянки, а его отец сосну валил да не увернулся, сосной-то его поперечь и зацепило... Теперь рука отсохла...

Казанцев проникался все большим сожалением к Васюку.

– Как же вы теперь живете?

– Где матка, а где я по хозяйству управляемся, – ответил Васюк.

– Чем же вы кормитесь?..

Васюк покраснел и замялся.

– Они в кусочки ходят... – ответили школьники.

– В кусочки – это значит Христа-ради, милостыню собирают... – пояснил один школьник. – И Васюк кусошничает... Как из школы придет, так сейчас с сумкой и по селу...

Казанцев с особенным участием осмотрел мальчика. – На-

до что-нибудь сделать для него, – решил он. С этого момента Васюк стал ему еще родней.

«Как жестока и несправедлива жизнь!.. – думал он. – Неужели мало одного несчастья мальчику, физического уродства?.. Нет, – надобно же случиться так, что и отец его заболел... Как будто в жизни людей господствует необоримая сила, которая играет ими жестоко и властно...»

* * *

Часто Казанцев вспоминал о жене...

В чувство его врывались тоска, боль и раздражение. Он не мог примириться с тем, что личная жизнь его так нелепо могла разбиться...

И от тоскливых мыслей он старался уходить в работу, забыться.

За месяц жизни в деревне он получил от жены короткое сообщение:

– Поступила в труппу в Саратове... Первый сезон играю здесь, – второй в Казани.

Казанцев был уверен, что Фелицын также в Саратове, и ревность угнетала его. «Произошло между ними объяснение, или нет?..» – спрашивал он сам себя.

Он отгонял эти ненужные мешающие мысли:

– Не все ли равно?.. Какое мне дело до них?.. В сущности, раз все кончено, то глупо и бесполезно ревновать...

Но где-то в уголке души сверлила мысль...

«А, может быть, еще не все кончено?.. Не все!..»

После письма жены Казанцев взял дневник, который он время от времени вел, и занес в него следующее:

«Странное и противоречивое существо человек!.. Вот уже месяц, как я с детьми... Чувствую, что в мою жизнь входит что-то новое, светлое и умиротворяющее душу... Я обновляюсь, воскресаю, хочу любить весь мир. Почему же, после письма Вали, в меня вошла ненужная, мешающая жить, злоба. Когда мы прощались, я был полон самых добрых желаний к ней. Откуда же вражда?..»

Сторож Наум суетился в комнате возле печи, подкладывал дрова и раздувал огонь. Казанцев издали любовался его спокойными самоуверенными движениями, его могучей фигурой с широкой крупной спиной. Видно было, что в молодости это был богатырь.

«Вот у таких людей, как Наум, все ясно. Нет ни терзаний, ни сомнений, потому что жизнь их проста и наполнена непосредственной близостью к природе.»

– Наум...

– Чего изволишь, родимец?..

– Вот я хотел спросить тебя, Наум... Ты ведь был женат?..

– Так точно-с... был...

– Ладно ты жил с женой в семье?

– Как тебе молвить, голубь... – Наум повернул к нему строгое лицо с длинной кудельной бородой. – Кое ладно, а

кое нет... Чать, живые люди.

– А она любила тебя?..

– Отчего ж не любить, голубь?.. Жена завсегда мужа слушаться должна.

– Хорошо, Наум... Ну, а часто в вашем быту бывает, чтоб жена изменяла мужу?

– Как ты говоришь, родимец...

– Ну, вот так... Чтоб от мужа ушла и к другому...

– Ну, нет... Это уж баловство и грех... Когда оба закон приняли, то муж этого допускать не должен...

– А если выйдет, так...

– У правильного мужа не выйдет...

«У правильного мужа!.. – Казанцев усмехнулся... – Что ж... Может быть Наум и справедлив. Если разрушается семья, виноваты оба, и чаще всего муж, который сильнее.

– Учить жену надо!.. – продолжал Наум... – Жена требует учебы... Тогда будет и любовь... Строгого мужа жена почитает...

«Вот она – народная мудрость, – размышлял Казанцев. – Несомненно, доля практической правды в его словах есть. Вот если бы он настойчивей сам стремился к созданию семьи. В нем самом не было той побеждающей силы, которая подчинила бы Валю».

Надо было готовиться к вечернему чтению.

Казанцев начал разбирать стопочку книг. Взял рассказ Л. Толстого «Чем люди живы».

«Да, вот она побеждающая сила! Любовь!.. Надо, чтоб между мной и Валею исчезла последняя тень злобы».

* * *

Горбунчик Васюк более недели не посещал школы. Казанцев встревожился.

– Почему не ходит Васюк? – спросил он школьников.

– У него батек умирает...

Сердце Казанцева дрогнуло. «Надо будет навестить его»... – решил он.

Был легкий морозец, когда он вышел из школы. Белыми клубами мела поземка, наметывая под завалинами и окнами косые снежные бугры. Казанцев, в глубоких калошах и городской меховой шубе, далеко не похожей на обычные бедные учительские одеяния, шагал вдоль порядка.

«Надо чем-нибудь помочь Васюку!.. – размышлял он. – Но сделать так, чтоб помощь не носила характера обычной благотворительности, унижительной для того, кто получает и кто дает, и развращающей обоих».

Приходила мысль, что отец Васюка может умереть... Почему бы в таком случае не усыновить мальчика?

Нет, Васюк не заменит Сережи!

Вот Шопенгауэр говорит, что самое сильное чувство в человечестве – это стремление к продолжению рода. Человек стремится к вечности. Он хочет, чтоб частица его тела и ду-

ши существовала и после его смерти в потомстве. И любовь к чужим никогда не может быть такой сильной, как любовь к своим.

Около старой, замеченной снегом, избы Казанцев остановился. По сугробам он полез в сени и, отворяя дверь, нагнулся, чтоб не удариться головой о притолоку. В избе было душно и темно. Спертый кислый запах крепко ударил в голову. В непривычной полутемноте он еле различал очертания, Прямо перед входом темнела печь с деревянными приступками, по которым надо было взбираться на полати. Около заснеженного окна стояли стол и скамьи. В переднем углу, за потемневшим образом, торчали запыленные и прокоптевшие восковые свечи и вербы. У стола сидела женщина в платке и что-то штопала. При входе Казанцева женщина засуетилась. Мужик завозился на полатах, свесил вниз лохматую голову и закашлялся.

– Что, дома Васюк?.. Я школьный учитель...

Женщина боязливо-низкопоклонно засуетилась, обмахивая с лавки пыль и сбрасывая ненужную ветошь...

– Садись, батюшка, сюда... Нету Васюка!.. Придет счас!..

Казанцев сел на скамью. От нищеты, которая выступала из каждого угла избы, в его душе щемило... Но он не знал, что сказать, как подойти к этим людям, и молчал. Женщина заговорила сама. Голос плаксивый, ноющий, – точно рассчитывающий на то, чтоб разжалобить.

– Заболел вот мужик, а какие наши недостатки!.. Чаем, – с

голодухи помирать придется... Спасибо Ваське!.. Один теперь кормилец...

Мужик с полатай вздохнул и закашлялся.

– Такая уж незадача... Видно помирать придется...

– Ну, Бог даст, и выздоровеешь!.. – утешительно сказал

Казанцев.

Васюк пришел обмерзший и заиндевевший. Встреча с учителем поразила его.

– Здравствуйте, Николай Кирилыч.

– Здравствуй, Васюк... Пришел узнать, когда ты в школу соберешься...

Васюк понуро молчал.

– Заходи как-нибудь вечерком ко мне... Мы с тобой поговорим... Слышишь...

– Хорошо, Николай Кирилыч...

На прощанье Казанцев сунул матери Васюка несколько асигнаций. Делал это виновато и торопливо, точно совершал преступление... Мать Васюка поймала его руку, чтоб поцеловать, он почти вырвал ее и почувствовал себя еще виноватей. На прощанье нежно прижал к себе Васюка и повторил:

– Так не забудь, приходи же...

* * *

Казанцев нарочно выписал саратовские газеты, чтоб по ним следить за жизнью Вали.

Театральная фамилия ее была Солнцева, ее девичья фамилия, под которой она выступала на ученических спектаклях.

Первый дебют ее прошел удачно. Рецензент отмечал в ее игре настроение и темперамент, а также понимание изображаемых типов. Вскользь касался ее технических недостатков и неровностей. Как обычно бывает у начинающих талантливых артистов, трудные места она играла удачно, а на легких срывалась.

Следующие рецензии о Вале резко изменились в дурную сторону. Наконец, в одном из номеров газеты, рецензент дал уничтожающую оценку ее игры и посоветовал ей даже бросить сцену.

Казанцев терялся в догадках... «Что это?.. Может быть, Валя душевно переживает какие-нибудь терзания?.. Например, между ней и Фелицыным произошла размолвка, и равновесие ее душевной жизни нарушено... Или просто происходит всегдашняя театральная история. Закулисные интриги, не поладила с рецензентом, и вот ее обливают грязью»...

Ему стало искренно жаль Валу... «Бедная! – думал он... – Что бы ни было, во всяком случае она должна была переживать страшные мучения...»

Проснулась привычка, которая связывала его с ней в течение нескольких лет – как близкого человека. Мелькнула где-то надежда.

А может быть, все происходит к лучшему... Неудачи

отрезвят ее, и она вернется к семье... Может быть, необходимо было, чтоб она встретила с Фелицыным и потом разочаровалась в нем... Кто-то из великих писателей сказал: «женщина обязательно должна испытать неудачу, прежде чем быть счастливой в семье...» Это верно.

* * *

Был школьный Рождественский спектакль... Казанцев в течение нескольких недель усердно готовился к нему и ни о чем другом не думал. Сам с ребяташками раскрашивал декорацию, кусты и деревья – играли «Бежин Луг». Сам клеил из картона маски, – дети должны были изображать зверей в баснях Крылова.

Незаметно для него самого дело это увлекло его всего целиком.

Праздник удался на славу. В классах и коридоре толпились мужики, бабы, старухи, подростки. По звонку поднимался и опускался занавес. Выход каждого нового лица встречался одобрительным признанием.

Все были тронуты тем, что пришлось видеть. И, после спектакля, тесным кольцом обступили, как героя дня, Николая Кирилыча.

– Спасибо тебе, Кирилыч!..

– Таких песен, басен наслушаешься, – сам учиться захочешь! – смеялся широкоплечий веселый мужик с рыжей бо-

родой.

– За чем же остановка, учись...

– Поздно. Сороковой год стукнул.

– Учиться никогда не поздно, – сказал Казанцев. – У меня уже занимаются некоторые взрослые. Вот приходи-ка...

– Спасибо на привет. Ладно, приду. Мне бы гражданскую да письмо, по церковной. Я когда-то азы проходил.

Так почти до полночи прогугорил со всеми Казанцев и, по окончании беседы, с радостным чувством пошел к себе в комнату. Дома он увидел кипу газет и письмо от Вали. С волнением он вскрыл конверт. Валя писала:

«Вот уже две недели, каждый вечер я пишу тебе и всякий раз уничтожаю то, что написано. Так чувствую я себя виноватой перед тобой и собою. Пишу тебе, как товарищу и человеку, которого я уважаю, и который мог бы дать один, в эту трудную минуту жизни, облегчение.

Если бы ты знал, как мне тяжело. На сцене – ты вероятно уже догадываешься об этом – полный провал. Провал не в смысле личного неуспеха, я, может быть, преувеличивала свои способности, а в моем разочаровании сценой. Я и раньше знала о, так называемой, закулисной жизни, но то, что встретила я здесь, превзошло все мои ожидания. Не знаю, может быть случайно, только мне не везет, а у других иначе... Во всяком случае контракт с антрепренером будет нарушен, и от поездки в Казань я отказываюсь. Что буду делать, – не знаю... Я как-то растерялась перед жизнью...

Большой артисткой – теперь я убедилась в этом – я не стану, а влачить мизерное существование есть ли смысл?.. И для чего?.. Стоило ли разбивать семью... Я легкомысленно отнеслась к этому вопросу. Между прочим, еще об одном. Отношения мои с Фелицыным ограничивались только дружбой. Теперь я в нем разочаровалась. Он оказался совсем не тем, чем я представляла его. Не знаю, верно ли... Мне казалось, что ты ко мне охладел... Ответ, если найдешь нужным, просто, по дружески... Страшное одиночество... В последнее время часто вспоминаю о Сереже. Валя».

Смешанное чувство тоски и радости охватило Казанцева. Стало жаль Валю, и проснулась манящая мечта, что теперь его разрушенное личное счастье снова вернется.

«Да, я эгоист! – думал он. – Я не сделал в отношении к ней всего, что нужно. И теперь живу в лучших условиях, чем она... Наум прав. У правильного мужа жена не уйдет».

Ему припомнился прочитанный или слышанный рассказ.

Однажды мужчина хотел поцеловать любимую женщину против ее желанья. Та вскочила на лошадь и помчалась в горы. Он бросился ее преследовать. Долго она ускользала. Наконец он настиг ее в горах около скалы. И когда он карабкался к ней по скале, она сверху крикнула, что будет стрелять. Но он не остановился. Тогда она направила на него в упор револьвер. Но и это не испугало его, и он сделал последнее роковое движение. Тогда она, к его удивлению, бросила револьвер и простерла к нему объятия, со словами: «Милый!..

Как я боялась, что ты испугаешься моей угрозы».

Да, несомненно, что женщина хочет видеть мужчину и сильным, и настойчивым и любящим. В таком случае она может простить ему даже некоторый деспотизм. Валя хотела того же... Надо немедленно ответить ей.

Он сел к столу и стал писать:

«Спасибо за доверие. Понимаю всю тяжесть твоих терзаний и хотел бы их облегчить. О прошлом забудем.

Если хочешь, я могу отдать тебе то лучшее, что у меня в душе. За полгода нашей разлуки я много передумал и со-знал, что виноват я, а не ты. Я был недостаточно чуток к твоим запросам. Сейчас вообще в моих глазах многое изменилось. Учительство было для меня хорошей школой жизни. Общение с детьми исцелило душу и влило в нее любовь. Я воскрес и обновился. Через детвору я приобщился к жизни, к человечеству, и благодарю судьбу, что так случилось. Мне думается, что ты здесь также могла бы успокоиться душой. Разве нельзя служить народу искусством? Народ так дик, те-мен и груб, что всякий светлый огонек, – как бы мал он ни был, – желателен».

Казанцев остановился, перечел написанное и задумался.

Показалось слабо и неубедительно.

Нет, надо ехать самому, воспользовавшись Рождественскими праздниками. В письме не выразишь того, что на душе. Ехать!.. Ехать, не теряя ни минуты...

* * *

Утром Казанцев уже укладывал вещи. Наум помогал.

– А когда же ты вернешься, родимец?..

– Да придется на недельку запоздать после Крещенья... – радостно и оживленно заговорил Казанцев. – За хозяйкой еду... Вдвоем будем учить...

На суровом лице Наума играло ласковое благожелательное выражение:

– Што же, дай Бог, Кирилыч, счастья, дай Бог!..